

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94 (470)"16/18"

О. Н. Мухин

ЦАРЬ КАРНАВАЛА: К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА ШУТОВСКИХ СВАДЕБ И ПОХОРОН В ПЕТРОВСКОЙ ПРИДВОРНОЙ КУЛЬТУРЕ

Предпринимается попытка выявить смысл шутовских свадеб и похорон, являвшихся важной частью праздничной культуры Петровской эпохи и не нашедших последовательного объяснения в историографии. Автор привлекает для анализа исторического материала культурологические по характеру теории карнавала М. М. Бахтина и антиповедения Б. А. Успенского, а также смеховые концепции, лежащие на стыке культурологии и психологии. Междисциплинарный и сравнительно-исторический подходы позволяют выделить в увеселениях Петра характерные признаки как российских, так и европейских праздничных традиций, творчески переработанных царем-реформатором. Выдвигается предположение о том, что элементы карнавала, «адсорбированные» барочной культурой, выполняли для психики Петра компенсаторную функцию, помогая справиться со стрессами, связанными с нарушением культурных норм в ходе преобразовательной деятельности.

Ключевые слова: *Пётр I, раннее Новое время, междисциплинарный подход, карнавальная культура, антиповедение, смех.*

Фигуру Петра I окружает множество устойчивых мифов, количество которых фактически не уменьшается со времени его жизни и до наших дней, несмотря на все достижения историков по изучению его жизни и деятельности. Одним из наиболее одиозных аспектов биографии царя-реформатора является его пристрастие к шутовским действиям, истоки и смысл которых зачастую ускользают от исследователей, редко подвергающих их анализу и чаще всего ограничивающихся описанием форм их организации и обстоятельств проведения [1; 2], при этом не гнушаясь нелепых высказываний¹.

С точки зрения внешней многие петровские увеселения действительно могут показаться даже для своего времени крайне экстравагантными и непонятными. Однако следует постараться отыскать ключ к их пониманию, дабы скорректировать эмоциональные оценки, которые мешают верному пониманию личности Петра и придворной культуры его царствования. Представляется возможным выявить в простроенных праздничных действиях Пе-

тровской эпохи проявления карнавальной, в понимании М. М. Бахтина, культуры. Прежде всего, это касается знаменитого Всешутейшего и Всепьянейшего собора. Сам М. М. Бахтин отмечал: «Пётр Великий, как известно, пытался, привить у нас формы поздней европейской традиции „праздника глупцов“ (избрание „всешутейшего папы“ и т. п.) ...» [5, с. 235–236]. Описание праздника дураков действительно отчетливо напоминает мероприятия всепьянейшего собора². Более того, в европейской культуре легко обнаружить и многочисленные примеры особых комических обществ, существовавших еще в Средние века, таких как Geckengesellschaft в Германии (основанное в 1381 г.) или Mater stultorum во Франции (XV–XVII вв.) [7, с. 93]. Таким образом, феномен Всешутейшего собора является пусть авторской, но обработкой Петром I существовавших в европейской культуре карнавальных форм увеселений [8].

Можно ли найти столь же ясные объяснения другому «изобретению» Петра – шутовским свадьбам и похоронам? Как представляется – да.

¹ По мнению крупнейшего американского специалиста по Петровской эпохе Дж. Крэйкрафта, шутовские выходки Петра свидетельствуют о вульгарном, даже садистическом чувстве юмора, о шутовском отвращении ко всем формам ритуала, о тотальном безразличии к чувствам тех, для кого эти ритуалы оставались важными. Исследователь отмечает, что элементы скептицизма, сатиры, иронии, цинизма, которые никогда не покидали петровские развлечения, являлись знаком осознания хрупкости или, возможно, тщетности всех человеческих институтов или предприятий, индикатором чувства разочарования, или отвращения, или даже отчаяния. В этих явлениях прежде всего проявлялось чувство чуждости Петра обществу, в котором он жил, которым правил, – фактор, сделавший столь много как для создания характера царя-реформатора, так и для роста враждебности, активной и пассивной, со стороны его подданных [3, р. 18–19]. Еще более резко высказывается шведский историк П. А. Будин, считающий, что пародийно-кошунственные мероприятия Петра носили «привкус чего-то ненормального – психопатологического (или демонического, если угодно)» [4, с. 92].

² М. Ю. Реутин упоминает и о таких явлениях в позднесредневековой праздничной культуре, как всепьянейшие литургии, являвшиеся вербальным выражением обрядов праздника [6, с. 59].

Первая известная шутовская свадьба Якова Тургенева состоялась в 1695 г. Очевидец И. А. Желябужский описывает ее следующим образом: «Января в ... день женился шут Яков Фёдоров сын Тургенев на дьячьей жене, а за ним в поезде были бояре, и окольные, и думные, и всех чинов палатные люди, а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках; а в платьях были смешных, в кулях мочальных, в шляпах лычных, в крашенных кафтанах, опущены кошечьими лапами, в серых разноцветных кафтанах, опущены беличьими хвостами, в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах, в лубочных шапках. А Тургенев сам ехал с женою в государственной лучшей бархатной карете, а за ним шли: Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагины в бархатных кафтанах. А женился он, Яков, в шатрах на поле против Преображенского и Семёновского, и тут был банкет великий три дня» [9, с. 276]³.

Американский исследователь Э. Зицер справедливо отмечает сходство этого действия по основным признакам со святочными колядованиями [10, с. 115]. Среди этих признаков – наряды из мочала, шляпы из лыка, соломенные сапоги и т. д., которые являются атрибутами антиповедения, то есть обратного, перевернутого, опрокинутого, поведения наоборот. Все разнообразие форм антиповедения, по мнению Б. А. Успенского, сводится к одной общей модели: замене тех или иных регламентированных норм на их противоположность⁴. Антиповедение имело место в определенных условиях и в определенное время: святки, Масленица, купальские дни [11, с. 461] – фактически речь идет о русских аналогах карнавальной культуры в ее различных проявлениях (в связи с этим стоит обратить внимание на то, что свадьба царского шута была отпразднована в январе).

В 1702 г. состоялась свадьба шута-стольника Феофилакта Пименовича Шанского на сестре шута князя А. И. Шаховского. Описание этого праздника оставил голландский путешественник К. де Бруин. В первый день все участники были одеты в традиционное русское платье, в том числе и Пётр: «Царь впереди всех ехал на величавом черном коне. Платье на нем было из золотой парчи, самой великолепной: верхний кафтан испещрен был множеством узоров различного цвета, а на голове у него была высокая красная шапка, на ногах желтые сапоги. Конь его в богатейшей упряжи, по-

крыт был прекрасным золотым чепраком, а на передних ногах его блестили серебряные кольца шириною в четыре пальца. Величавый вид государя, чрезвычайно красиво сидевшего на лошади, составлял немалое украшение всего зрелища: всадник поистине был царственный» [12, с. 59–60]. Судя по восхищенному тону, для заезжего голландца карнавальный характер происходящего остался непонятен. Дело в том, что в это время русский национальный костюм приобрел значение потешного наряда, каковым ранее на Руси, напротив, было иноземное платье.

И в этом случае мы обнаруживаем шутовские атрибуты (между прочим, дело опять-таки было в январе): в ходе свадебной процессии посреди богатых карет ехали «обыкновенные санки, влекомые клячей, к хвосту коей они были привязаны, а в санях сидел маленький человечек, такой же невзрачной наружности, как его лошадка и санки, одетый по-жидовски» [12, с. 61]. Де Бруин предположил, что его везут таким образом в наказание за некую провинность, причем ему сказали, что это был действительно крещеный еврей. Во время свадьбы была разыграна вполне карнавальная, «низовая» шутка: жених ехал на жеребце, а некий другой господин на кобыле, которых приготовили к случке, что и произошло посреди поездки, причем господин соскочил проворно с кобылы, а жених так и остался в седле и «не потерял даже своего стремени». По отзыву путешественника, «случай этот произвел общий и громкий смех» [12, с. 62]. Только на третий день гости появились на празднике в немецком платье [12, с. 62]⁵.

Таким образом, наблюдаем творчески переработанную Петром форму святочных увеселений, в которых легко заметить традиционные русские смеховые черты. В подтверждение укорененности подобных смеховых форм можно привести пример из истории XV в. В 1490 г. новгородский архиепископ Геннадий, активный борец с ересями, посадил еретиков на лошадей лицом к хвосту в вывороченном платье, в берестяных шлемах с мочальными хвостами, в венцах из сена и соломы [14, с. 351–352]. Как отмечает Д. С. Лихачев, вывороченная наизнанку одежда, надетые задом наперед шапки, «антиматериалы», излюбленные ряжеными и скоморохами – рогожа, мочала, солома, береста, лыко играли важную роль в средневековом русском смехе, служа в качестве смыслового знаково-

³ Как нередко бывает, смешное и трагическое ходят рядом – вскоре после своей свадьбы Тургенев скончался.

⁴ Речь может идти о совершении ритуального действия левой рукой, переворачивании предметов вверх дном, выворачивании одежды, ношении платья противоположного пола, говорении наоборот, не своим голосом, замене слов на антонимы, ритуальном воровстве и святотатстве [11, с. 460].

⁵ По странному совпадению и этот новобрачный недолго пребывал в счастливом браке. В письме от 5 августа 1702 г. из Архангельска Пётр сообщает о смерти Шанского: «Друг наш Филат Пименович оставил нас в прошедшем месяце; конец был зело изрядной» [13, с. 79].

го перевертывания для обозначения изнаночного мира [14, с. 351].

Однако остается вопрос – почему петровские увеселения принимали облик именно свадеб? Еще одна свадьба, состоявшаяся в ноябре 1710 г., центральным персонажем которой на этот раз становится любимый царский карла Яким Волков, дает возможность предположить, что речь идет о пародировании «настоящей» свадьбы, а именно состоявшегося чуть ранее бракосочетания племянницы Петра Анны Ивановны и герцога Курляндского Фридриха Вильгельма. По замечанию анонимного очевидца, для этой «свадьбы в миниатюре», как он ее характеризует, «был отведен тот же большой зал, в котором его величество угощал гостей на свадьбе герцога Курляндского», «угощали гостей, как и на свадьбе герцога Курляндского, маршал и 8 подмаршалов», однако на этот раз это были «карлики, также в знак своего звания имевшие на правом рукаве кокарды из кружев и разноцветных лент» [15, с. 76]. Более того, по наблюдению датского дипломата Ю. Юля, оставившего подробное описание потехи, в обоих случаях не были доведены до конца все обрядовые правила – не был обойден аналой (если на «серьезной» свадьбе это было вызвано нежеланием Петра раздражать жениха непривычными православными порядками, то в случае шутовской церемонии Юль объяснял упущение торопливостью царя, хотя вряд ли это было лишь совпадением) [16, с. 218–222].

Если следовать логике исследователей, предлагавших свои объяснения петровским увеселениям, царь-реформатор таким путем хотел высмеять идею междинастических браков, традицию которых сам же и вводил в России⁶. Поверить в это сложно. Кроме того, подобное объяснение могло бы иметь основания в случае уникальности описанной свадьбы. Ее встроенность в регулярный ряд на протяжении многих лет заставляет искать иную трактовку⁷.

На самом деле связь смеховых действий и свадебных торжеств не была собственно петровским изобретением. Она может быть прослежена как устойчивая традиция. В свое время существовало даже предположение о том, что в древности масленица

была праздником, специально устраиваемым для молодых супругов [19, с. 49–50]⁸. Так или иначе, но, как отмечал С. В. Максимов, существовало множество масленичных обрядов и обычаев, в которых центральное место отводилось «новоже-нам» [19, с. 50]. Один из самых распространенных обрядов носил название «столбы». Молодые, наряженные в свои лучшие костюмы (обычно те самые, в которых они венчались), встают рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы и «всенародно показывают, как они любят друг друга». Прохожие кричали им: «Порох на губах!» или «А нуте-ка, покажите, как вы любитеесь?», таким образом, требуя, чтобы они целовались [19, с. 50].

Точно так же и среди святочных «игр» можно встретить те, что связаны с темой женитьбы. С. В. Максимов описывает так называемую «игру в барина», представляющую в пародийном ключе сцену испрашивания крестьянским парнем у «барина» разрешения жениться. Получив таковое, «парень выбирает девушку. Товарищи его подхватывают ее под руки и подводят к барину. Девушка, разумеется, всеми силами упирается и не идет. Тогда кучер бьет ее шелепугой (бичом) и кричит: «Благодари барина, целуй барина». Как только девушку подведут к барину, с него как рукой снимет прежнюю апатию и сонливость; он делается необыкновенно подвижен, оживлен, рассыпается мелким бесом и то лезет целовать и обнимать девушку, то делает полные непристойности жесты. Кучер же в это время изо всех сил помогает барину ухаживать и придерживает увертывающуюся от поцелуев девушку. Потом к барину подходит второй парень, который тоже испрашивает разрешения жениться, и так продолжается до тех пор, пока все не переженятся» [19, с. 15–16].

С другой стороны, на что обращает внимание Л. А. Трахтенберг, в самом традиционном свадебном обряде наличествовали смеховые элементы: во время движения свадебного поезда к церкви, а затем в дом мужа участники пели свадебные песни, играли на музыкальных инструментах, кричали, плясали, отпускали грубые и непристойные шутки [7, с. 105]. Соответственно, Пётр демонстрирует в данном случае блестящее знание рус-

⁶ Б. А. Успенский, вслед за современниками Петра, прямо пишет, что возглавлявший Всесудейный собор князь-папа – это пародия на патриарха, причем пародирование предшествовало упразднению патриаршества [17, с. 158].

⁷ В мемуарах П. Г. Брюса сохранилось единственное свидетельство о свадьбе карликов, устроенной сестрой Петра царевной Натальей Алексеевной (к сожалению, без указания даты). Были собраны 93 карлика и изготовлены маленькие кареты с пони. Процессия, в которой участвовали многие представители знати, прошла по улицам. Во дворце царевны после венчания в церкви состоялся большой праздник. После того, как новобрачных отвели в спальню, для увеселения гостей-карликов отвели большую комнату, после чего был устроен бал [18, с. 216–217].

⁸ Между прочим, упомянутое выше французское комическое общество «Mater stultitum» помимо прочих поводов собиралось и во время свадеб [7, с. 93].

ских (как и европейских) праздничных традиций. При этом использует он их в свойственной ему творческой манере. Кроме того, новшеством являлось привнесение «простонародных» форм развлечений в придворную культуру, что, собственно, и вызывало недоумение у современников (на самом деле, крайне редко)⁹ и исследователей.

Помимо свадеб Петром устраивались и помпезные похороны карликов. Брауншвейг-люнебургский резидент Ф.-Х. Вебер описывает такую церемонию, состоявшуюся 8 января (sic!) 1715 г.: впереди шли 4 священника, потом хор из 30 певчих, затем 2 маршала и далее гроб, обтянутый черным бархатом, на санях, которые везли 6 малорослых лошадок. Позади на дрогах сидел карлик лет 50, брат умершего, и поддерживал гроб. За телом шли 12 пар карликов, держась попарно за руки, одетые в черные кафтаны с длинными, волочившимися по земле мантиями и обшитые флером. За карликами шли карлицы, размещенные по росту наподобие органных дудок, далее царь с генералами, министрами и другими чинами [22, стб. 1149].

Еще одно действие такого рода состоялось незадолго до смерти самого Петра, в 1724 г. (и опять-таки в январе), когда скончался тот самый Яким Волков, чья свадьба была отпразднована в 1710 г.¹⁰ Описание этих похорон оставлено голштинским придворным Ф.-В. Берхгольцем: «Впереди всех шли попарно тридцать певчих – все маленькие мальчики. За ними следовал в полном облачении крошечный поп, которого из всех здешних священников нарочно выбрали для этой процессии по причине его малого роста. Затем ехали маленькие, совершенно особого устройства сани, на которых помещалось тело. Их везли 6 крошечных лошадей, принадлежащих отчасти великому князю, отчасти маленькому князю Меншикову. Они были покрыты до самой земли черными попонами и ведены маленькими дворянами, между которыми находилось несколько придворных пажей. На санях стоял маленький гроб под бархатным покровом. Тотчас позади их шел маленький

карло и фаворит императора в качестве маршала с большим маршальским жезлом, который был обтянут черным и от которого до земли спускался белый флер. На этом карле, как и на всех прочих его товарищах, была длинная черная мантия; он шел во главе других карликов, следовавших за ним попарно, именно меньшие впереди, большие позади, и в числе их было немало безобразных лиц и толстых голов. Потом выступал такой же другой маленький маршал во главе карлиц. Из них первая принадлежала принцессам, и ее, как первую траурную даму, по здешнему обычаю, вели двое из самых рослых карл. Лицо ее было совершенно завешено черным флером. За нею следовала маленькая карлица герцогини Мекленбургской, как вторая траурная дама, и ее также вели под руки два карла. Позади их шло еще несколько пар карлиц» [24, с. 204–205].

Казалось бы, здесь не наблюдаем тех очевидных элементов перевернутого мира, что присутствовали на шутовских свадьбах. И все-таки связь и этого, на современный взгляд, необычного и даже шокирующего соединения трагического и комического с праздничными народными традициями имеет место. Среди других типов антиповедения Б. А. Успенский называет сакрализованное антиповедение, имеющее языческие истоки. Языческие ритуалы, непосредственно связанные с культом мертвых (предков), в ряде случаев определялись представлениями о перевернутости загробного мира. У самых разных народов бытовало мнение, что на том свете правое и левое, верх и низ, перед и зад и т. п. меняются местами (солнце встает на западе, реки текут в обратном направлении, когда здесь день, там ночь, то есть оба мира видят друг друга в зеркальном отображении) [11, с. 461]. Подобные верования имелись и у славян, что и отразилось в верованиях и обрядах. Траурная и похоронная (на покойнике) одежда часто противопоставлялась по способу ношения нормальной (застегивалась налево, набрасывалась на голову) и т. п. [11, с. 463]. И что еще важнее, существовало и ритуальное веселье

⁹ Скорее, можно найти вполне внятные объяснения происходившего. Так, князь Б. И. Куракин отмечал, что царские развлечения соответствовали «старому обычаю в российском народе» – святочным играм перед Рождеством и после него. Причем эти развлечения были свойственны как простолюдинам, так и знатым, хотя и различались по форме: «подлые» люди сами рядились в «платье машкараты», знатных же развлекали их люди, которые «играют всякия гистории смешныя». Таким образом, Куракин, стремясь смягчить впечатление, ставит развлечения Петра в ряд обычных для русской знати: «И по тому обыкновению (выделено мной. – О. М.) царское величество при дворе своем также играл святки со своими комнатными людьми» [20, с. 325].

Знаток придворного быта допетровской Руси И. Е. Забелин пишет, что на женской половине дворца «на Рождестве, по всему вероятно, увеселялись святочными играми, так как на Троицкой неделе хороводами и т. д. Для таких игр при царицыных, равно и при царевниных хоромах существовали обширные сени, в загородных дворцах холодные, а в московском теплые. Это можем видеть на планах Коломенского дворца. В числе сенных девиц находились и игрицы, вероятно, исполнявшие эти народные игры. В описи казны времени Годунова и Шуйского упомянуты «восемь подволок, камчатных и тафтяных разных цветов – деланы на игриц» [21, с. 168].

¹⁰ Вскоре после свадьбы жена Якима забеременела, но умерла при родах, так что вдовец всю оставшуюся жизнь предавался пьянству и распутству [23, с. 149].

на похоронах, включая и шутки над покойником (считалось, что на том свете такое поведение обращается в свою противоположность) [11, с. 464].

С. В. Максимов описывает «игру в покойника», распространенную среди русских крестьян в XIX в., причем, что важно в данном случае, включенную в ряд святочных развлечений, к которым в первую очередь привязывались и петровские увеселения: «Состоит она в том, что ребята уговаривают самого простоватого парня или мужика быть покойником, потом наряжают его во все белое, натирают овсяной мукой лицо, вставляют в рот длинные зубы из брюквы, чтобы страшней казался, и кладут на скамейку или в гроб, предварительно привязав накрепко веревками, чтобы в случае чего не упал или не убежал. Покойника вносят в избу на посиделки четыре человека, сзади идет поп в рогожной ризе, в камилавке из синей сахарной бумаги, с кадилом в виде глиняного горшка или рукомольника, в котором дымятся горячие угля, мох и сухой куриный помет. Рядом с попом выступает дьячок в кафтане, с косицей назади, потом плакальщица в темном сарафане и платочке и, наконец, толпа провожающих покойника родственников, между которыми обязательно имеется мужчина в женском платье, с корзиной шанег или опекишей для поминовения усопшего. Гроб с покойником ставят среди избы, и начинается кощунственное отпевание, состоящее из самой отборной, что называется, „острожной“ брани, которая прерывается только всхлипыванием плакальщицы да каждением „попа“. По окончании отпевания девки заставляют прощаться с покойником и насильно принуждают их целовать его открытый рот, набитый брюквенными зубами. <...> Кончается игра тем, что часть парней уносит покойника хоронить, а другая часть остается в избе и устраивает поминки, состоящие в том, что мужчина, наряженный девкой, оделяет девиц из своей корзины шаньгами – кусками мерзлого конского помета» [19, с. 13–14].

Можно найти целый ряд подтверждений тому, что такого рода игры имели давнюю традицию в русской праздничной культуре. Известен случай в биографии Ивана Грозного, когда во время первого своего военного похода в 1546 г., находясь в военном лагере в Коломне, «юноша государь и его сверстники занялись обычным времяпрово-

ждением – „потехами“, в которых заставляли участвовать и бояр: „пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху и инны потехи, на ходулях ходил и в саван наряжался“» (выделено мной. – О. М.) [25, с. 19].

И в петровское время можно встретить сходные явления, при этом самим государем не инициированные. Ф.-В. Берхгольц описывает историю, произошедшую примерно в 1720 г.: несколько молодых русских князей и дворян напоили до бесчувствия своего товарища князя В. П. Хованского, у которого были в гостях, одели его как мертвеца, положили в гроб, отнесли в церковь, поставили перед алтарем и совершили положенные похоронные обряды, но «оскорбляющим религию образом». Кроме того, они «обошлись грязно» с церковными сосудами и оставили «покойника» перед алтарем, пока не пришли церковнослужители и не вынесли его из церкви. Характерно, что Пётр заменил смертный приговор, вынесенный участникам этой «шалости» по жалобе тестя Хованского, вице-канцлера Шафирова, на жестокое телесное наказание в своем присутствии [26, с. 432]. То есть для самого царственного шутника замысел «золотой молодежи» был вполне понятен, однако формы его осуществления все же выходили за рамки, видимо, в том, что происходило сие действие в церкви (важно помнить, что пародийно-кощунственные мероприятия Петра происходили в «профанном» пространстве – на улицах и площадях либо в зданиях «светского» предназначения¹¹).

Но главный элемент карнавальности в описываемых действиях – участие в них карликов. В русских народных вариантах святочных и масленичных празднеств мы их не встречаем, однако в Европе они были обязательными участниками карнавала; кроме того, карлы и карлицы в России издавна были привычным атрибутом царских дворцов. Как отмечает М. М. Богословский, «необходимой принадлежностью детской царевичей в XVII в. были „комнатные карлы“» [27, с. 18]. Немало карликов находилось при царском дворе «тишайшего» Алексея Михайловича: в 1668 г. царица Мария Ильинична, отправляясь на Троицкое богомолье, взяла с собой шестнадцать карликов и карлиц для увеселения [28, с. 32]¹². Самого Пет-

¹¹ В этом можно увидеть как подтверждение искренней религиозности Петра, которую иногда ставят под сомнение его биографы под впечатлением от его увеселений и церковных преобразований, так и определенные успехи оцивилизовывания (в понимании Н. Элиаса), так как в средневековой Европе в рамках карнавальной культуры существовали кощунственные практики, отправляемые в стенах церкви, причем самими священниками и монахами. Так, в рамках праздника дураков «переодетые клирики вприпрыжку и пританцовывая поднимались на хоры и пели непристойные песни. Дьяконы и иподьяконы поедали на алтаре, перед носом читающего мессу священника, колбасы, играли у него на глазах в кости и карты, вместо ладана бросали в кадило навоз и ошметки старых подметок так, чтобы смрад бил священнику прямо в нос. После мессы каждый бегал, танцевал и прыгал по церкви кто как хотел, позволяя себе величайшие безобразия, так что иные даже раздевались донага» [6, с. 23].

ра карлы сопровождали с раннего детства: «...карликов упоминается при двухлетнем царевиче трое, в 1679 г. – четверо, а в 1683 г. их уже перечислено 14 человек» [27, с. 18].

В случае похорон карлы Якима Волкова карнавальный характер происходящего нарочито подчеркивался тем, что «по обеим сторонам процессии двигались с факелами огромные гвардейские солдаты в числе по крайней мере 50 человек, а возле обеих траурных дам шли четыре громадных придворных гайдука в черных костюмах и также с факелами» [24, с. 205]. Как отмечал М. М. Бахтин, «великан был обычной фигурой ярмарочного балаганного репертуара (где он **рядом с карликом** (выделено мной. – О. М.) остается и до настоящего времени). Но он был также обязательной фигурой в карнавальных процессиях, в процессиях «праздника тела господня» и др.; на исходе средних веков ряд городов имел наряду с постоянными «городскими шутами» и постоянных «городских великанов», или даже «семейство великана», содержащихся на городской счет и обязанных выступать во всех народно-праздничных процессиях» [5, с. 368]¹³.

Об увлечении Петра, наряду с карликами, и гигантизмом свидетельствует пример Николая Буржуа, участника царских увеселений. В книге «Кабинет Петра Великого», изданной в 1800 г. О. Беляевым, сообщаются довольно подробные сведения об этом великане, ставшем еще при жизни экспонатом петровской Кунсткамеры, где и до сих пор сохраняются его останки: «Великан сей родом француз и назывался Буржуа. Он был ростом 3 аршина и 3 вершка; голова, руки и верхняя часть туловища у него были чрезвычайно велики и с прочими частями его тела никакой почти соразмерности не имели. Государь Пётр I принял его к себе в городе Кале, где он с своею матерью, которая была весьма малого роста и имела четыре грудных сосца, показывал себя за деньги. Государь, взяв его

к себе, определил ему жалованья по 600 рублей в год, а матери его приказал отсылать также достаточную сумму денег, которою она и жила в своем отечестве без всякой нужды. По прибытии в Санкт-Петербург государь женил его на чухонке чрезвычайно великого же роста, с которою он прижил одного сына и двух дочерей» [30, с. 190–192].

Известно, что Пётр (как и его наследники) подбирал в гвардию рослых и видных мужчин¹⁴. Как видно из приведенного примера с похоронами карлы Якима, речь могла идти не только об обеспечении боеспособности монаршей гвардии, но и о неких эмоциональных пристрастиях государя, имевших какую-то связь с карнавальным началом, несмотря на утверждения М. М. Бахтина о том, что уже в XVII в. обрядово-зрелищные формы карнавальной культуры мельчают и обедняются [5, с. 44], и о том, что Пётр I пытался искусственно насадить чуждую для России традицию в русле общей политики европеизации, не встретившую понимания в русском народе [5, с. 235–236]. Во-первых, как писал Д. С. Лихачев: «Искусственное убыстрение процессов всегда вызывает «остаточные явления», которые надолго застревают в развитии. Искусственное убыстрение культурного развития при Петре способствовало тому, что многие характерные черты Древней Руси сохранили свою значимость для XVIII и XIX вв. – тип смеха в их числе» [14, с. 391]. Это объясняет наличие элементов русских праздничных традиций в петровских увеселениях. Во-вторых, как справедливо отмечает Д. И. Белозерова, активное внедрение Петром карликов в общественную жизнь могло быть связано с «барочной сенсационностью», которая, в данном случае, подразумевала отклонение от нормы, от шаблона [23, с. 145]¹⁵. Действительно, культуре барокко было свойственно увлечение разного рода «курьезами», к числу которых относились не только изделия чужих культур (например, китайский фарфор), но и все необычное, «отклоня-

¹² Не были они и исключительным признаком монаршего двора. О распространенности моды на карликов в среде российской элиты петровского времени красноречиво говорит «Роспись карлам что на Москве» от 1710 г., сохранившаяся в РГАДА: «В Преображенском на государевом дворе – 2; у царицы Парасковии Феодоровны – 2; у царицы Марфы Матвеевны – 2; у Шеина – 1; у Алексея Петровича Салтыкова – 2; у князя Петра Хованского – 1; у князя Бориса Прозоровского – 1; у Андрея Апраксина – 1; у Александра Львовича Нарышкина – 2; у князя Федора Юрьевича – 1; у адмирала – 1; у Петра Шафировова – 1; у Нелединского – 1; у князя Михаила Михайловича Голицина – 1; у Ивана Ивановича Бутурлина – 1; у Ивана Нарышкина – 3; у Никиты Моисеевича (Зотова. – О. М.) – 1; у Гавриила Ивановича (Головкина. – О. М.) – 2; у князя Петра Долгорукова – 2; у князя Матвея Гагарина – 1; у князя Михаила Алегуковича (Черкасского. – О. М.) – 2; у князя Федора Голицина – 1; у Андрея Артемоновича Матвеева – 2» [29, л. 191–191 об.].

¹³ Институт городских великанов в ряде городов Франции и Бельгии дожил до XIX в.

¹⁴ В этом он был не одинок – особенно прославился пристрастием к великанам прусский король Фридрих Вильгельм, который «заказывал» их для своей «коллекции» за рубежом, в том числе и в России.

¹⁵ Другая версия исследовательницы кажется сомнительной: она связывает увлечение карликами со свойственным Петру демократизмом, благодаря которому царь хотел дать равный шанс всем россиянам утвердить себя в контексте реформаторских веяний [23, с. 150]. Во-первых, демократичность Петра – скорее часть его мифа, нежели реально существовавшая черта, а во-вторых, карлики никогда не получали каких-либо «обычных» рангов и званий, уравнивавших их с другими людьми, оставаясь лишь объектом насмешек и застольного веселья.

ющеся», прежде всего «монстры», то есть примеры разного рода мутаций и уродств как среди животных, так и среди людей¹⁶.

Вопреки одному из центральных положений теории М. М. Бахтина (которое, кстати, подвергается наиболее обстоятельной критике¹⁷) о категоричном противопоставлении народной смеховой и официальной серьезной культур можно проследить определенную преемственность между средневековой карнавальной культурой и «высокой» культурой барокко, впитавшей в себя многие элементы карнавальности. На примере эпохи Петра на это обращает внимание А. М. Панченко, прослеживающий западные истоки петровских увеселений в своеобразном приобщении к достижениям Возрождения через посредство барочного символизма, что отразилось в идеологической символике Всешутейшего собора – здесь поклоняются Бахусу и Венере. Исследователь подробно рассматривает одно из праздничных мероприятий петровского времени – московский триумф по случаю окончания Северной войны, когда в составе процессии следовала «машина» со скамьями в виде амфитеатра, пародировавшая конструкцию сцены, на которой в Средние века ставились мистерии и моралите. Эта маскарадная пародия компрометировала оппозиции верх – низ, божеское – человеческое, небо – земля (типичные черты карнавальной культуры), посредством чего себя утверждал на земле «естественный человек», «торжествовала брэнная плоть, знающая о своей брэнности и тем более склонная к гедонизму, к наслаждению жизнью» [33, с. 155–156]¹⁸.

Таким образом, исследуемые виды петровских празднеств представляли собой авторскую комбинацию западных и российских праздничных традиций. Остается найти ответ на самый главный вопрос: какую роль играли эти действия в жизни царя-реформатора? Откуда эта навязчивая потребность в карнавализации? В определенной мере для самого царя-реформатора и его окружения организуемые им увеселения выполняли функцию, сходную с той, что и карнавальная культура как таковая в средневековом социуме. Как писал М. М. Бахтин, карнавал давал временное освобо-

ждение от господствующей правды и существующего строя, производя отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм, запретов [5, с. 18]. Р. Генон добавляет: «Празднование карнавала являлось способом „канализировать“ низменные стороны человеческой природы, сделать их более безопасными, дав им проявиться на короткое время, в строго определенных обстоятельствах, без чего может последовать социальный взрыв, вызванный прессингом культурных и общественных норм» [35, с. 47]. Здесь стоит вспомнить о той роли, которую в карнавальной культуре играл смех. М. М. Бахтин подчеркивал, что средневековые праздники являлись «островками времени», рассеянными «на протяжении всего года», «когда миру разрешалось выходить из официальной колеи, но исключительно в защитной форме смеха» [5, с. 103]. Таким образом, смех как явление социокультурное выполнял компенсаторную функцию и предполагал преодоление страха перед авторитетом власти с ее насилием, запретами, ограничениями [5, с. 103].

Эта трактовка вполне понятна при ее применении к «народным массам», однако какое это имеет отношение к монарху? Как уточняет А. Г. Козинцев, смех означает «мгновенный прорыв (но не отмену!) внутреннего запрета, разрешение сделать то, что не может быть разрешено: сбросить с плеч всю ношу, которую человечество взвалило на себя в процессе антропогенеза, опуститься на более низкий уровень подобно тому, как дети время от времени сбрасывают с плеч то, чему их учили, вовсе того не забывая» [36, с. 29]. У Петра I потребность в такого рода компенсаторном механизме была чрезвычайно высока. Дело в том, что Пётр являлся личностью невротической, определяющим качеством которой, по определению К. Хорни, является базальная тревожность, приводящая к несоответственной реакции невротика на угрозы его безопасности [37, с. 34]. Причинами, породившими невротическую тревогу в психике Петра, стали детские и юношеские травмы (стрелецкие бунты, борьба группировок знати во времена регентства царевны Софьи) [38]. Кроме того, царь-реформатор, видимо, испытывал бессознательный страх

¹⁶ Об интересе Петра к различным «куриозам» свидетельствует его указ 1718, предписывавший подданным присылать в столицу образцы всяческих природных отклонений, а также палеонтологические и археологические редкости [31, с. 725]. Наряду с купленными за рубежом знаменитыми коллекциями Рюйша и Себа, эти находки составили основу первого российского музея – Кунсткамеры.

¹⁷ О критике бахтинской теории карнавальной культуры см. [32, с. 210 и далее].

¹⁸ И напротив – образ Бахуса был «адаптирован» карнавальной культурой. В Чехии вплоть до XIX в. существовал масленичный обряд «погребения Бахуса». В Польше также был известен масленичный персонаж по имени «бахус» [34, с. 126–127]. Это демонстрирует факт проницаемости границ между высокой (в данном случае барочной) и народной культурой, игнорирование которого является слабым местом теории М. М. Бахтина. Собственно, сам М. М. Бахтин признавал, что и в Новое время «народно-праздничное карнавальное начало», пусть «суженное и ослабленное», «продолжает оплодотворять собою различные области жизни и культуры» [5, с. 44]. В другом месте исследователь писал: «Даже в период своего позднего развития – в XVIII и XIX веках – карнавал в довольно четкой, хотя и обедненной форме еще сохранял некоторые из основных особенностей народной праздничной стихии» [5, с. 235].

перед собственной реформаторской деятельностью, сопровождавшейся постоянным нарушением традиций¹⁹. Это состояние тревоги порождало как жесткость подавления Петром любого инакомыслия, так и привязанность его к шутовству. Праздничные действия, организуемые «царем карнавала», фактически сочетали в себе обе эти черты. Формы шутовских мероприятий Петра явно проговариваются о его садистских (в понимании Э. Фромма) наклонностях²⁰. Стремление глумиться над уродством, как бы ни было оно узаконено традицией, свойственно людям, неуверенным в себе (собственно, в традиционных обществах, где распространены увеселения с участием карликов, великанов, уродов и т. д., уровень невротизма в целом повышен в связи с низким уровнем рационализации). Г. О. Нодиа подчеркивает, что для играющего смысл игры в удовольствии от нее, удовольствии от ощущения укорененности в мире, радости вольного, уверенного в себе действия, это состояние самого полного самоутверждения [40, с. 54]. А ведь самоутверждение чаще всего корыстно, подразумеваемая возвышение над другими, над окружающим миром в той или иной степени. Соответственно, поведение Петра – типичное самоутверждение за чужой счет. Именно поэтому им были столь востребованы формы карнавальской культуры, уходящей в это время в прошлое. К тому же следует помнить, что в отличие от «настоящих» карнаваловых действий, являвшихся устойчивой традицией, которой временно подчинялся весь социум, петровские праздники режиссировались одним человеком, как правило, не обращавшим внимание на желания других вовлекаемых в них людей. Все это являлось проявлением авторитарного социального характера в терминологии Э. Фромма.

Таким образом, смеховые черты Петровской эпохи в полной мере отражали особенности российского властного и культурного кода, важнейшей чертой которого был авторитаризм. Смех Петра – явление на стыке западной и русской традиций, носившее к тому же явственный отпечаток нестан-

дартной личности царя-реформатора. Здесь и жесткий прессинг по отношению к подданным, и попытка решить собственные психологические проблемы за чужой счет, и стремление свести воедино европейские и русские явления культурной и политической жизни.

При этом в жизни Петра его карнавальские увлечения играли позитивную роль, позволяя справляться с психологическими проблемами, канализируя негативную энергию в русло праздника (следует отметить, что представления о некоей чрезвычайной жестокости царя-реформатора сильно преувеличены в публицистике и историографии, на самом деле уровень агрессии в поведении Петра фактически не выходил за рамки нормы в тогдашнем российском обществе [41]. К концу жизни первого императора праздничная жизнь русского двора будет приобретать все более «цивилизованные» формы, хотя его пристрастие к карнавалу сохранится (чему свидетельство – упоминавшиеся похороны карлы Якима Волкова в 1724 г.²¹). Как ассамблеи, введенные Петром в 1718 г. в качестве основного вида празднований для знати, так и регулярно проводившиеся маскарады, весьма любимые царем-реформатором, вполне соответствовали европейским нормам придворной культуры.

Последний всплеск карнавализации, уже явно эпигонского характера, можно наблюдать при дворе Анны Иоанновны, где они выливались, как при ее царственном дяде, в авторитарные по форме выходы (хорошо известна так называемая шутовская «ледяная свадьба», состоявшаяся в феврале 1740 г., в ходе которой «новобрачным» предстояло провести ночь в ледяных палатах (см. ее описание [43, с. 258]). Однако в дальнейшем придворные развлечения (как и весь антураж жизни элиты) все более входят в «цивилизованные» рамки, вполне соответствовавшие тогдашнему европейскому уровню, что лишний раз подчеркивает привязанность «смеховой экспансии» к переходным периодам, в рамках которых она выполняет роль компенсаторного психологического механизма.

¹⁹ В подтверждение следует вспомнить другого царственного «шутника» – Ивана Грозного. Максимальная насыщенность игрой и смехом в данных случаях не только и не столько следствие нездоровых наклонностей конкретных правителей, но и необходимая сторона реформаторской деятельности в России раннего Нового времени, когда слишком высоко было напряжение между новшествами и традицией, актуализировавшее страхи и неуверенность инициаторов реформ.

²⁰ Э. Фромм понимал под садизмом стремление поставить других людей в зависимость от себя, приобрести полную власть над ними, превратить их в орудия, стремление эксплуатировать, использовать их, обкрадывать, стремление причинить другим людям страдания или видеть, как они страдают [39, с. 126].

²¹ Стоит помнить, что нам известно считанное количество шутовских свадеб и похорон в петровское царствование, которые вовсе не являлись устойчивой практикой. При этом карлы, конечно, не только участвовали в этих экстраординарных мероприятиях, но являлись постоянными участниками «смеховой» жизни двора и даже числились его официальными служителями [42].

Список литературы

1. Агеева О. Г. О взаимоотношениях русского монарха и столичного дворянства начала XVIII в.: святочные увеселения шутовской компании Петра Великого // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750) / отв. сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013. С. 63–80.
2. Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина. 2000. № 8. С. 61–67.
3. Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. Stanford. Stanford (California): Stanford University Press, 1971. 336 p.
4. Будин П. А. Пётр Великий и церковь // Царь Пётр и король Карл: два правителя и их народы / пер. со швед. В. Возгрина. М.: Текст, 1999. С. 78–97.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). С. 7–508.
6. Реутин М. Ю. Народная культура Германии: позднее Средневековье и Возрождение. М.: РГГУ, 1996. 217 с.
7. Трахтенберг Л. А. Сумасшедший, Всешутейший и Всепеньейший собор // Одиссей. Человек в истории: время и пространство праздника / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 2005. С. 89–118.
8. Мухин О. Н. «Смеяться, право, не грешно»: опыт историко-психологического анализа смеха (на примере Петра I) // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. / отв. ред. Г. Г. Ершова. М.: Академический проспект; Гаудеамус, 2015. С. 268–278.
9. Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи / Неизвестный автор, И. Корб, И. Желябужский, А. Матвеев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 259–358.
10. Зицер Э. Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / авторизованный пер. с англ. Д. Хитровой и К. Осповата. М.: Новое обозрение, 2008. 240 с.
11. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Изд. 2-е, перераб. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 460–476.
12. Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова; ред. Л. Л. Решетникова. Л.: Лениздат, 1989. С. 17–188.
13. Письма и бумаги Петра Великого / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Государственная типография, 1889. Т. 2: 1702–1703. 804 с.
14. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 342–403.
15. Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 47–90.
16. Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы / Ю. Юль, О. Плейер. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.
17. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. Изд. 2-е, перераб. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 142–183.
18. Шотландец в России (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эскайдера, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...») / ввод. ст., пер. и коммент. С. В. Ефимова и Н. Ю. Павловой // Ораниенбаумские чтения / отв. ред. С. В. Ефимов. СПб.: ТЕССА, 2001. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. С. 203–237.
19. Максимов С. В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: трилогия. Кемеровское кн. изд-во, 1991. 351 с.
20. Куракин Б. И. Гистория о царевне Софье и Петре // Богданов А. П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии / А. Л. Богданов. М.: Вече, 2008. С. 266–332.
21. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1992. 246 с.
22. Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и его царствовании / пер. с нем. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1057–1168.
23. Белозерова Д. И. Карлики в России XVII – начала XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории / ред.-сост. Е. В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 143–152.
24. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–4 // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9–324.
25. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
26. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1–2 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 105–502.
27. Богословский М. М. Пётр Великий: материалы для биографии: в 6 т. / отв. ред. С. О. Шмидт; подгот. текста А. В. Мельникова. М.: Наука, 2005. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697. 535 с.
28. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2006. 638 с.
29. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Оп. 2, ч. 1, кн. 29.
30. Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб.: Императорская типография, 1800. Отд. 1. 332 с.
31. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1703 – начало 20-х годов XVIII века. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2001. Кн. 8. 832 с.
32. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 320 с.

33. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры / сост. А. Д. Кошелев. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3: XVII – начало XVIII века. С. 9–261.
34. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.
35. Генон Р. О смысле «карнавальных» праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 45–48.
36. Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюда о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002. С. 5–41.
37. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Прогресс, 2000. 478 с.
38. Мухин О. Н. Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 448 с.
39. Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
40. Нодиа Г. О. Человек, сменяющийся в контексте философии культуры // Философия, культура, человек / отв. ред. Н. З. Чавчавадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 47–72.
41. Мухин О. Н. Перспективы развития исторической биографики в свете применения междисциплинарного подхода // Стены и мосты: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории / отв. ред. Г. Г. Ершова. М.: Академический проект, 2014. С. 193–202.
42. Мухин О. Н. «От великого до смешного...»: несколько штрихов к портрету «*populus ridiculam*» при дворе Петра I // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11. С. 209–212.
43. Нащокин В. А. Записки // Империя после Петра. 1725–1765 / Я. Шаховской, В. Нащокин, И. Неплюев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 225–384.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.07.2015.

O. N. Mukhin

CARNIVAL TSAR: INTO THE SENSE OF MOCK WEDDINGS AND FUNERALS IN THE PETRINE COURT CULTURE

The article attempts to identify the meaning of mock weddings and funerals which were the important part of the festive culture of the Petrine era and did not find a consistent explanation in historiography. For the analysis of historical material the author draws M. M. Bakhtin's culturological nature theory of carnival and B. A. Uspenskiy's theory of anti-behavior, as well as laughter concepts, lying at the intersection of cultural studies and psychology. Interdisciplinary and comparative-historical approaches allows to highlight in Peter's amusements the characteristics of both Russian and European holiday traditions, creatively transformed by the tsar-reformer. Proposed the assumption that the elements of carnival, "adsorbed" by the baroque culture, was performed for Peter's psyche a compensatory function, helping to cope with the stresses, related with the disturbance of cultural norms in the course of reform activities.

Key words: *Peter I, early modern time, interdisciplinary approach, carnival culture, anti-behavior, laughter.*

References

1. Ageeva O. G. O vzaimootnoshenyakh russkogo monarkha i stolichnogo dvoryanstva nachala XVIII v.: svyatochnye uveseleniya shutovskoy kompanii Petra Velikogo [On the relationship between the monarch and the Russian capital's nobility of the beginning of the XVIII century: the Christmas mock entertainment company of Peter the Great]. *Pravyashchiye elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)* [The ruling elite and the nobility of Russia during and after the reforms of Peter the Great (1682–1750)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013. Pp. 63–80 (in Russian).
2. Usenko O. G. Sumasbrodneyshiy sobor [Madcap sobor]. *Rodina – Motherland*, 2000, no. 8, pp. 61–67 (in Russian).
3. Cracraft J. *The Church Reform of Peter the Great*. Stanford. Stanford (California): Stanford University Press, 1971. 336 p.
4. Budin P. A. Petr Velikiy i tserkov' [Peter the Great and the Church]. *Tsar' Petr i korol' Karl: dva pravitelya i ikh narody* [Tsar Peter and King Charles: two rulers and their peoples]. Moscow, Tekst Publ., 1999. Pp. 78–97 (in Russian).
5. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' oeuvre and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collection of works: in 7 vol.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, vol. 4 (2), pp. 7–508 (in Russian).
6. Reutin M. Yu. *Narodnaya kul'tura Germanii: pozdneye Srednevekov'e i Vozrozhdeniye* [Popular culture in Germany: Late Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, RGGU Publ., 1996. 217 p. (in Russian).

7. Trakhtenberg L. A. Sumasshedshiy, Vshchuteyshiy i Vsep'yaneyshiy sobor [Crazy, frantical and drunk assembly]. *Odyssey. Chelovek v istorii: vremya i prostranstvo prazdnika* [Odyssey. Man in History: time and space of holiday]. Moscow, Nauka Publ., 2005. Pp. 89–118 (in Russian).
8. Mukhin O. N. "Smeyat'sya, pravo, ne greshno": opyt istoriko-psikhologicheskogo analiza smekha (na primere Petra I) ["Laughter, really is not a sin": the experience of historical and psychological analysis of laughter (the example of Peter I)]. "Steny i mosty" – III: istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskova, RGGU, 25–26 aprelya 2014 g. ["Walls and Bridges" – III: Idea of interdisciplinary history of occurrence and development: materials of the International scientific conference, Moscow, Russian State Humanitarian University, 25–26 April 2014]. Moscow, Akademicheskii prospekt; Gaudeamus Publ., 2015, pp. 268–278 (in Russian).
9. Zhelyabuzhskiy I. A. Dnevnye zapiski [Daily notes]. *Rozhdeniye imperii* [The Birth of Empire]. Moscow: Fond Sergeya Dubova Publ., 1997. Pp. 259–358 (in Russian).
10. Zitser E. The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 221 p. (Russ. ed.: Zitser E. *Tsarstvo Preobrazheniya: Svyashchennaya parodiya i tsarskaya kharizma pri dvore Petra Velikogo*. Moscow, Novoe obozreniye Publ., 2008. 240 p.).
11. Uspenskiy B. A. *Antipovedeniye v kul'ture Drevney Rusi* [Anti-behavior in the culture of ancient Russia]. Izbrannyye trudy [Selected Works]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996, vol. 1, pp. 460–476 (in Russian).
12. Bruin K. de. Puteshestviya v Moskoviyu [Travels to Muscovy]. *Rossiya XVIII v. glazami inostrantsev* [Russia XVIII century by the eyes of foreigners]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. Pp. 17–188 (in Russian).
13. *Pis'ma i bumagi Petra Velikogo* [Peter the Great's letters and papers]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1889, vol. 2: 1702–1703. 804 p. (in Russian).
14. Likhachev D. S. Smekh kak mirovozzreniye [Laughter as a world view]. *Istoricheskaya poetika russkoy literatury* [Historical poetics of Russian literature]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1997. Pp. 342–403 (in Russian).
15. Tochnoye izvestiye o... kreposti i gorode Sankt-Peterburg, o krepostse Kronshlot i ikh okrestnostyakh... [Exact news about... the castle and the city of St. Petersburg, about the Kronshlot fort and their neighborhood]. Bespyatykh Yu. N. *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh. Vvedeniye. Teksty. Kommentarii* [Peter's I Petersburg in foreign descriptions. Introduction. Texts. Comments]. Leningrad, Nauka, Leningrad branch Publ., 1991. Pp. 47–90 (in Russian).
16. Yul' Yu. Zapiski datskogo poslannika v Rossii pri Petre Velikom [Notes of the Danish envoy in Russia under Peter the Great]. *Lavry Poltavyy* [Laurels of Poltava]. Moscow, Sergey Dubov's Fond Publ., 2001. Pp. 9–396 (in Russian).
17. Uspenskiy B. A. *Tsar' i samozvanets: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskiy fenomen* [The king and impostor: imposture in Russia as a cultural and historical phenomenon]. Izbrannyye trudy [Selected Works]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996, vol. 1. Pp. 142–183 (in Russian).
18. Shotlandets v Rossii: (Iz "Memuarov Pitera Genri Bryusa, eskvayra, ofitsera na sluzhbe Prussii, Rossii i Velikobritanii, sodержashchiye izvestiya o ego puteshestviyakh po Germanii, Rossii, Tatarii, Turtsii, Vest-Indii...") [The Scotsman in Russia (From "Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., an officer in Prussia, Russia and the Great Britain service, containing news about his travels in Germany, Russia, Tataria, Turkey, West Indies ...")]. *Oranienbaumskkiye chteniya* [Oranienbaum readings]. St. Petersburg, TESSA Publ., 2001, vol. 1. Pp. 203–237 (in Russian).
19. Maksimov S. V. *Krestnaya sila. Nechistaya sila. Nevedomaya sila: trilogiya* [Godmother power. Devilry. An unknown force: Trilogy]. Kemerovo, Kemerovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1991. 351 p. (in Russian).
20. Kurakin B. I. Istoriya o tsarevne Sof'e i Petre [Princess Sophia and Peter's story]. In: Bogdanov A. P. *Tsarevna Sof'ya i Petr. Drama Sofii* [Princess Sophia and Peter. Sofia's drama]. Moscow, Veche Publ., 2008. Pp. 266–332 (in Russian).
21. Zabelin I. E. *Domashniy byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh* [Russian queens' home life in the XVI and XVII centuries]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoye otdeleniye Publ., 1992. 246 p. (in Russian).
22. Veber F.-H. *Zapiski o Petre Velikom i ego tsarstvovanii* [Notes about Peter the Great and his reign]. Russkiy arkhiv [Russian archive], 1872, no. 6. Kol. 1057–1168 (in Russian).
23. Belozerova D. I. Karliki v Rossii XVII–XVIII veka [Dwarfs in XVII–XVIII centuries Russia]. *Razvkatel'naya kul'tura Rossii XVIII–XIX vv. Ocherki istorii i teorii* [Entertainment culture of XVIII–XIX centuries Russia. Studies in history and theory]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2000. Pp. 143–152 (in Russian).
24. Berkhgol'ts F.-V. Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha-Vil'gel'ma Berkhgol'tsa. 1721–1725. Ch. 3–4 [Bedchamber F. – W. Bergholtz's diary]. 1721–1725, part 3–4]. *Yunost' derzhavy* [Derzhava's youth]. Moscow, Sergey Dubov's Fond Publ., 2000. Pp. 9–324 (in Russian).
25. Florya B. N. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2003. 403 p. (in Russian).
26. Berkhgol'ts F.-V. Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha-Vil'gel'ma Berkhgol'tsa. 1721–1725. Ch. 1–2. *Neistovyy reformator* [Furious reformer]. Moscow: Sergey Dubov's Fond Publ., 2000. Pp. 105–502 (in Russian).
27. Bogoslovskiy M. M. *Petr Velikiy: materialy dlya biografii*: v 6 t. [Peter the Great: Materials for biography: in 6 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 2005. Vol. 1. 535 p. (in Russian).
28. Andreev I. L. *Aleksey Mikhaylovich* [Alexey Mikhailovich]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 638 p. (in Russian).
29. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents]. Fond 9 (Peter I's cabinet). Dep. I. Inv. 2, part 1, book 29 (in Russian).
30. Belyaev O. P. *Kabinet Petra Velikogo* [Peter the Great's cabinet]. St. Petersburg, Imperatorskaya tipografiya Publ., 1800. Part 1. 332 p. (in Russian).

31. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. 1703 – nachalo 20-kh godov XVIII veka* [History of Russia since ancient times. 1703 – the beginning of 20-ies of the XVIII century]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST" Publ.; Khar'kov: Folio Publ., 2001, kn. 8. 832 p. (in Russian).
32. Ryumina M. T. *Estetika smekha. Smekh kak virtual'naya real'nost'* [The aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 320 p. (in Russian).
33. Panchenko A. M. Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms]. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of Russian culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, vol. 3. Pp. 9–261 (in Russian).
34. Darkevich V. P. *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya: svetskaya prazdnichnaya zhizn' v iskusstve IX–XVI vv.* [The folk culture of the Middle Ages: the secular festive life in the art of IX–XVI centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 344 p. (in Russian).
35. Genon R. O smysle «karnaval'nykh» prazdnikov [On the meaning of "carnival" holidays]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 1991, no. 4, pp. 45–48 (in Russian).
36. Kozintsev A. G. Ob istokakh antipovedeniya, smekha i yumora (etyud o shchekotke) [On the origins of antipovedeniye, laughter and humor (study of tickling)]. *Smekh: istoki i funktsii* [Laughter: origins and functions]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2002. Pp. 5–41 (in Russian).
37. Horney K. *The Neurotic Personality of our Time*. New York: W. W. Norton and Co., 1937. 287 p. (Russ. ed.: Horni K. *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz*. Moscow, Progress Publ., 2000. 478 p.).
38. Mukhin O. N. *Lichnost' Petra I v kontekste spetsifiki protsessov rossiyskoy modernizatsii* [Personality of Peter I in the context of the specifics of Russia's modernization processes: psychohistorical analysis]. Tomsk: TGPU Publ., 2014. 448 pp. (in Russian).
39. Fromm E. *Escape from freedom*. New York: Farrar & Rinehart, 1941. 257 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moscow: Progress Publ., 1990. 272 pp.).
40. Nodia G. O. Chelovek, smeyushchiysya v kontekste filosofii kul'tury [Laughing man in the context of the philosophy of culture]. *Filosofiya, kul'tura, chelovek* [Philosophy, Culture, Man]. Tbilisi: Metsniereba Publ., 1988. Pp. 47–72 (in Russian).
41. Mukhin O. N. *Perspektivy razvitiya istoricheskoy biografiki v svete primeneniya mezhdistsiplinarnogo podkhoda* [Perspectives for the development of historical biography in the light of the use of a multidisciplinary approach]. *Steny i mosty: mezhdistsiplinarnye i polidistsiplinarnye issledovaniya v istorii* [Walls and Bridges: interdisciplinary and multidisciplinary research in history]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. Pp. 193–202 (in Russian).
42. Mukhin O. N. "Ot velikogo do smeshnogo...": neskol'ko shtrikhov k portretu "populus ridiculam" pri dvore Petra I ["From the great to the ridiculous...": a few sketches to the portrait of "populus ridiculam" at the court of Peter I]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, no. 11, pp. 209–212 (in Russian).
43. Nashchokin V. A. Zapiski [Notes]. *Imperiya posle Petra* [Empire after Peter]. 1725–1765. Moscow, Sergey Dubov's Fond Publ., 1998. Pp. 225–384 (in Russian).

Mukhin O. N.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: himan1@rambler.ru